
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛЕ, МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ, АРХИВЫ

УДК 39(316.356.4)

Православные праздники русских Южного Урала во второй половине XX — первом десятилетии XXI в.

(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПОЛЕВОЙ РАБОТЫ
В ОРЕНБУРГСКОЙ И ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТЯХ 2002—2011 гг.)

ИЗАБЕЛЛА ИОСИФОВНА ШАНГИНА

Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)
Доктор исторических наук, профессор, научный сотрудник главной категории
отдела этнографии русского народа
e-mail: iz.schangina@yandex.ru

Статья представляет собой отчет о полевой работе в русских селах Южного Урала по программе «Современное состояние традиционной культуры русского народа на Южном Урале» раздел: «Православные праздники». В ней передается собранная во время экспедиций информация о праздновании во второй половине XX — первом десятилетии XXI в. Рождества, Крещения, Пасхи, Троицы.

Ключевые слова: Православный праздник, Пасха, Рождество, Крещение, Троица, посещение храма, запрет на работу, гостевание, застолье.

UDC 39(316.356.4)

Russian Orthodox Church Holidays in the South Urals in the Second Half of the 20th Century and the First Decade of the 21st Century

(PRELIMINARY REPORT ON FIELD WORK
IN THE ORENBURG AND CHELIABINSK REGIONS IN 2001—2011)

Professor IZABELLA I. SHANGINA, D.Sc. (History)

Top-grade Researcher, Dept. of Russian People Ethnography, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg
e-mail: iz.schangina@yandex.ru

The article is virtually a report on field work in a number of Russian villages in the South Urals; the objective is to assess “today’s state of the traditional Russian culture in the Southern Urals” in the category of “Russian Orthodox Christian Holidays”. Presented in the article is the information gathered in the second half of the twentieth and the first decade of the twenty-first century as regards the way Christmas, Epiphany, Easter and Whitsunday were observed in the localities visited.

Key words: Orthodox Christian Holiday, Easter, Christmas, Epiphany, Whitsunday, abstaining from work, entertaining guests in the house, festive meals and feasts.

Русские народные праздники и обряды на протяжении более 150 лет привлекали к себе внимание фольклористов, этнографов, музыковедов, диалектологов. За прошедшее время

исследователями был собран огромный материал, всестороннее характеризующий этот фрагмент традиционной культуры. В распоряжении ученых имеются подробные описания

праздников с их церковными и светскими ритуалами: литургиями, молебнами, крестными ходами, застольями, народными гуляньями с песнями и плясками, ярмарками, а также с различными приуроченными к ним обрядами. Большая часть этих материалов была собрана в Европейской части России. Традиционные праздники и обряды русского населения Южной части Уральского региона (современные Оренбургская и Челябинская области) не вызывали их большого интереса. Принято было считать, что праздничная культура казаков и горнозаводских рабочих — основного его населения, к концу XIX в. утратила свои традиционные черты, а культура крестьян — переселенцев конца XIX — начала XX в. недостаточно интересна для исследователей. Соответственно этому научные и краеведческие общества, музеи мало занимались сбором информации по этой теме. Интерес к ее изучению стал проявляться с 1960-х гг. В эти и последующие годы Оренбургским и Челябинским краеведческими музеями, а также Челябинским государственным университетом был организован ряд экспедиций в русские села Южного Урала, в ходе которых собирались сведения и о празднично-обрядовой культуре русских. Материалы экспедиций оказались довольно интересными, и в 2002 г. по инициативе Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея (ОГИКМ) кандидатом исторических наук Н.А. Ереминой, поддержанной директором Российского этнографического музея (РЭМ) доктором педагогических наук В.М. Грусманом, началась систематическая работа по изучению русских Оренбургской области, а с 2007 г. по 2011 г. — Челябинской области. За десять лет совместными усилиями научных сотрудников Российского этнографического музея (О.Г. Баранова, Т.А. Зимина, Е.Л. Мадлевская, В.Г. Холодная, И.И. Шангина), Оренбургского губернского историко-краеведческого музея (Т.Я. Беломытцева, Ю.П. Дыренков, Ю.Э. Комлев, Т.М. Маскаева, Л.Федорова,) преподавателей Челябинского государственного университета (А.А. Рыбалко, Е.А. Чайко) и Челябинского областного краеведческого музея (О.В. Новикова, О.Н. Филиппова) было обследовано 37 сел Оренбургской области и 17 Челябинской. В ходе экспедиций было опрошено в форме свободной беседы или интервью 600 человек, как людей пожилого возраста (1920—1955 гг. рождения), так и более молодых (1970—1985 гг. рождения).

Сбор материала шел по программе «Современное состояние традиционной культуры русских Южного Урала». При этом понятие «современность» рассматривалось не как текущий

момент жизни, а как довольно значительный промежуток времени, захватывающий вторую половину XX — первое десятилетие XXI в. Одним из важных разделов программы было изучение празднично-обрядовой культуры русских Южного Урала. В ходе полевой работы ставилась задача выявления традиционных праздников, отмечаемых в наши дни или отмечавшихся во второй половине XX в.; выяснение современной «программы» каждого из них; определение степени понимания людьми содержания праздников и семантики обрядовых действий, приуроченных к ним; а также выяснение представлений людей о сущности праздника и его отличия от будней.

В ходе полевой работы нам удалось выяснить, что все взрослое население обследованных нами сел Оренбургской и Челябинской областей из традиционных праздников знает в настоящее время такие установленные церковью праздники, как Рождество Христово, Крещение Господне, св. Пасху, св. Троицу. Некоторые из людей старшего возраста знают также такие двенадцатые праздники, как Благовещение Пресвятой Богородицы, Вход Господень в Иерусалим, известный им как Вербное Воскресение; некоторые великие праздники: Покров Пресвятой Богородицы, день памяти святых первоверховных апостолов Петра и Павла (Петров день), а также большие православные праздники: Иконы Казанской Божьей матери (Казанская), день памяти Ильи Пророка (Ильин день), день памяти Николая Мирликийского (Николин день). Такая картина характерна для всех обследованных нами сел Южного Урала. К этому основному набору праздников в отдельных селах добавляется и знание других праздников. Потомки оренбургских казаков хорошо помнят день памяти свм. Георгия Победоносца (небесный покровитель Оренбургского казачьего войска), а уральских казаков — день памяти Архистратига Михаила (небесный покровитель Уральского казачьего войска). В селах, где жив еще культ иконы Табынской Божьей матери, — знают Девятую Пятницу.

Остальные праздники, как двенадцатые, так и великие, большинству населения остаются неизвестными. О них помнят только люди, регулярно посещающие богослужения в храме. Следует заметить, что примерно такая же картина знания праздников православного календаря была характерна для русских в XIX — первой половине XX в.¹ Однако следует все-таки отметить, что как раньше, так и теперь, имелось некоторое количество людей, которые знали много праздников. Одна из таких знающих женщин беседовала с нами в с. Кармалка Орен-

бургской области. На наш вопрос о том, какие из православных праздников Вам известны, она ответила: «Да вот начинай прямо с ноября месяца: Казанская, Ременная, а там Митриев день идет, Михайлов день идет. Потом уже Рождество, после Рождества идет Крещение, после Крещения дело движется уже к Пасхе, там Благовещенье, очень большой праздник, Вербное — ну там много еще: родительские бывают, масленицкие родители, бывают <...> В общем, Пасха, а потом Красная Горка через неделю и во вторник обязательно родители. А потом уже следующее воскресение женам мироносицам праздник будет. Потом идет Вознесенье и Отдание Пасхи, а потом уж Троица. А 28 августа Успенье. А тут уж пойдет после Троицы Петров день. А потом Спас Первый, Спас Второй, а тут уже на Петров день светят ягоды, а на Второй Спас яблоки светят. А до Петрова дня ягоды не едят, нельзя кушать. Если у кого ребенок умер, а то там ребятишкам ягоды не дадут. И яблоки также. А потом Фролов день. Это лошадей светят в старину, самый главный праздник был с лошадьми, я тогда была маленькая, я не помню»².

Среди хорошо известных русским Южного Урала праздников наши информанты выделяют как главные Пасху, Рождество Христово, св. Троицу. Информант из г. Нязепетровска Челябинской области, отвечая на вопрос, какие Вы праздники считаете самыми главными, назвал: «Пасха, Рождество, Троица. Даже заметно было по людям, что это были особенные праздники. <...> Все люди помнят эти праздники»³. Информант из с. Крестовка Оренбургской области отмечала: «Троица — это первый праздник»⁴. Некоторые из информантов прибавляли сюда еще Крещение Господне. «Рождество, Крещение и Пасха — это три главных праздника. Они, видно, испокон веков»⁵, — говорила нам женщина из с. Каратабан Челябинской области. При этом следует заметить, что в селах, население которых формировалось преимущественно из южнорусских губерний, на первое место ставится Пасха, на второе — Рождество, а на третье — св. Троица. В селах с населением, прибывшим в основном из поволжских губерний, Пасха остается на первом месте, второе отводится св. Троице, а третье — Рождеству⁶.

Нас интересовало также, насколько хорошо население знает события, в честь которых установлены известные им православные праздники. Оказалось, что все знают события Пасхи, Рождества и Крещения: Пасха — «это же Иисус воскрес», Рождество — «Христос родился», Крещение — «крестился Иисус Христос, его

крестили». Христианское содержание праздника св. Троицы значительному большинству было неизвестно. Люди воцерковленные считали, что в этот день «празднуется Бог Отец, Бог Сын и Бог Святой дух». Более полных знаний наши информанты не имели, объясняя это тем, что «религия была запрещена», они были молодые и «все церковное их не интересовало». Следует заметить, что в памяти людей сохраняются некоторые старинные былички на темы праздников. Верующая женщина из с. Крестовка Оренбургской области рассказывала нам: «Пасха — это же Иисус воскрес. Мама нам рассказывала, что жиды бегут и просят у Мать Марии: “Дай нам, пожалуйста, крашеное яичко”. Она говорит: “Скажите Христос Воскресе, тогда дам”. И вот она им все не давала, пока они не сказали “Христос Воскресе”. И он воскрес, его же жиды распинали. А оказывается у нас все Боги-то — евреи. Никола-то — он же еврей. И Иисус Христос — еврей. Да? Кино-то вот показывают <...>. Но они же церковные, а церковные, значит, православные...»⁷.

Христианская основа остальных праздников, как правило, неизвестна большинству наших информантов. Во многих случаях они помнят только их названия, приметы и поверья, которые традиционно приурочивались к этим дням христианского календаря. Ярким примером тому является праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, который многие знали как большой праздник. На вопрос о событии, отмечаемом в этот день церковью, обычно отвечали: «В этот день птица гнезда не вьет, девица косы не плетет». Пожилая женщина из с. Рассыпное Оренбургской области объясняла нам так: «На Благовещенье все говорят: “Птица гнезда не вьет, девица косы не плетет”. А это вот что обозначает. <...> Кукушечка свила гнездо в Благовещенье, и она его потеряла <...> Все птицы гнездо делают, ворона ли, сорока ли. Они делают гнезда, выводят птенчат, а кукушка — она несет, а насиживать, не насиживает <...> Ее Бог наказал, что в Благовещенье нельзя свивать гнездо, а она свила гнездо <...> И девица косы не плетет. Почему? Не надо плести, а то останется в девах. Вот и говорят: “Птица гнездо не вьет, а девица косы не плетет”»⁸. Жительница Каратабана Челябинской области, упомянув, что птицы в этот день не плетут гнездо, а девицы — косы сказала: «Благовещенье — большой праздник <...> Благовещенье, если это слово расшифровать, то это благая весть. Хорошую весть, видимо, кто-то несет. Видимо, птицы несут»⁹. При вопросе о дне памяти Ильи Пророка обычно говорят: «Илья Пророк — лето уволок» или рассказы-

вают о грозе, которая всегда бывает в этот день. День Воздвиженья Честного Креста Господня, по местному Здвиженье, ассоциируется обычно со змеями. Жители с. Болдырево Оренбургской области говорили: «В Здвиженье змеи хотят прятаться, а Бог им не дает, хочет, чтобы их убили»¹⁰. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы рассматривался как первый день начала зимы: «Вот осенью <...> большой праздник — Покров Владычица. <...> Этот праздник все знают, после него зима наступает»¹¹ или как праздник, открывающий свадебный месяц. В этот день «девки себя показывают»: «Вот девки надевают атласные юбки, все красные как жар горят. И рука за руку, в руку платочек и за руку, у меня платочек, у тебя платочек. И через всю улицу протягивается и песни <...> Шли как улицу перетянули, поперек улицы, за всю улицу, в одново человека как в шеренгу. Одеты в красные юбки и красные кофты. А платки — белые, но у ково, может, и шелковые красные»¹² (с. Никольское Оренбургской области).

Следует заметить, что знание событий, лежащих в основу православных праздников, не считается в селах чем-то очень важным. «Все эти праздники надо знать не на языке, а в душе, надо чувствовать в сердце. Объяснить не каждый человек может, не каждый. Если человек может все по полочкам разложить, это как Вам сказать, как это выразить, он все не так, надо прежде понять душой, правильно», — утверждал наш собеседник¹³.

Во время полевой работы мы стремились выяснить также современную «программу» праздничных дней. В XIX — начале XX в. христианский праздник предполагал, прежде всего, отказ от любой, кроме самой необходимой работы: «День свят — все дела спят». Православная традиция требовала от человека посвятить это время размышлениям о Боге, событиях, которому посвящен праздник, и спасению души. Это предполагало обязательное присутствие человека на праздничном богослужении, молений перед домашними иконами, чтение «богоугодных» книг, раздачу милостыни. «Праздность есть явление благих дел, благочестивое настроение души и исправная жизнь», — писал христианский богослов Иоанн Златоуст¹⁴. Параллельно с этим крестьяне были уверены, что праздник это не только молитва, но и обильная трапеза, пляски, пение, гулянье по улицам, выполнение ритуалов, завещанных предками. Эта программа праздничных действий в прошлом строго соблюдалась.

В современном быту русского населения Южного Урала сохраняется представление о том, что в праздничные дни нельзя работать.

«Паска — праздник, да и уж никто ничего не делает», — сказала нам информант из с. Архиповки Оренбургской области¹⁵. Это соблюдалось довольно строго еще в 1940—1960-е гг. Однако в отличие от более раннего времени запрет тогда распространялся только на домашнюю работу. В праздники нельзя было мыть полы, стирать белье, работать на приусадебном участке, косить сено, заниматься ремонтом жилых и хозяйственных помещений и т. п. Работа же на колхозном или совхозном поле, скотном дворе, в учреждении, т. е. там, где человек не волен был собой распоряжаться, была вполне возможной и не рассматривалась как нарушение правил жизни, установленных Богом. Люди рассуждали так: «В праздник <...> ну, просто делать дела нельзя. Ну, а колхозникам как праздновать. Если я на постоянной работе, все равно я уйду на работу. Только вот соблюдали, чтобы не стирать, полы не мыть. И так родители говорили, и бабушки наши, что праздник-то, миленькие, соблюдайте»¹⁶. Общественное мнение в 1940—1960-е гг. было настроено против людей, занимающихся в праздник домашней работой, считая, что они нарушают «правильный порядок жизни». В настоящее время представление о запрете на домашнюю работу в праздничные дни сохраняется в основном только применительно к Рождеству, Крещению, Пасхе и Троице. Однако его нарушение не вызывает у населения негативного отношения. Считается, что работать или не работать личное дело каждого. В селах стало распространяться мнение, что «труд ничего вреда не принесет. Грех того, что вот ласы точишь больше» (пос. Арси Челябинской обл.)¹⁷. В тоже время в селах продолжает бытовать вера в «Божье наказание» за работу в праздники, особенно в Рождество, Крещение, Пасху, Троицу, а также и в другие почти такие же «грозные» как они дни: Егорьев день (день памяти Георгия Победоносца), Петров день (день памяти первоверховных апостолов Петра и Павла), Казанская летняя (праздник Иконы Казанской Божьей Матери), Ильин день (день памяти Ильи Пророка), Николин день (день памяти свт. Николая Мирликийского). Пожилые женщины постоянно напоминают более молодым людям о возможных неприятностях в случае работы в эти дни. По словам нашего информанта, мать предупреждала ее: «Боже сохрани на эти праздники чего делать. Не делай эти праздники больно грозные». При этом даже сравнительно молодые информанты приводили нам примеры Божьего наказания в случае нарушения праздничного безделья. Информант из с. Никольского Сакмарского района

Оренбургской области говорила нам: «Мы вот работали с одной, а ей сказали, что вечером уже нельзя стирать, под Крещение. У ней терпения не хватило, она взялась полы мыть дома вечером, такая чистоплюйка была. И себе в уме держит: «Щас вот я домою и поеду к матери полы мыть». Она только загадала, повернулась, стала воду выливать, как лягнулась и <...> целый месяц у нее рука свихнувшись»¹⁸. В с. Соболево Первомайского района Оренбургской области нам говорила пятидесятилетняя женщина: «Егорьев день — очень опасный. Ни в коем случае не работали. Это уж лошадь пропадет, как считали. Это очень большой праздник. Если работать, то лошади, скотине или даже в избе — беды»¹⁹. Особенно много рассказов об Илье Пророке, который наказывал ослушников сжигая молнией сено, насылая ураган на село или град на поля.

Посещение богослужения — второе необходимое традиционное составляющее праздничных дней во второй половине XX в. и в наши дни соблюдается не в полной мере и не всеми. По воспоминаниям людей 1920—1930 гг. рожденья, посещение храма в праздничный день было правилом жизни только их родителей. Они считали обязательным присутствовать там в Рождество, Крещение, Пасху. «В Ражество обязательно ночью в церковь идут, обязательно <...> всю ночь там поют до самого рассвета <...> разве там уснешь <...> Там поют, там ангелы поют»²⁰, — говорила нам пожилая женщина из с. Никольского Оренбургской области. Некоторые из родителей брали на праздничную службу детей: «До церкви ходили, утречком. Мать разбудит, и мы идем до утрени, идем, отслужили утрению, к обедне, а на улице холодно было. Опять зазвонили, мы идем до обедни. На обедне побыли, «Достойною» нам пропели, и идем до дому»²¹. Став взрослыми их дети уже церковь не посещали, да и большинство храмов во второй половине XX в. были закрыты. Однако в это время праздничные встречи верующих людей проходили на дому. Информант из с. Студеное Илекского района рассказывала: «Вот раньше [в 1950-е гг.] перед Пасхой: завтра Паска, вот и мать моя — ходят у какой-нибудь старушки, молятся всю ночь. У нас церкви здесь не было. Раньше вот когда-то была. <...> Это давно, давно, мы уже даже не помним. <...> Эти старушки просто звали помолиться»²². В с. Болдырево Оренбургской области нам рассказывали: «У нас Рождество справляли, всю ночь молились и сейчас молятся — собираются старухи и молятся. “Ты придешь, Тимофеевна, молиться?” — “А где будем молиться?” — “А вот тут”, и угощают,

и пение, помолимся, придем домой отдыхаем. И тогда после революции также молились: церкви-то нет. Кто как сумеет, так и молится»²³. Однако их посещали в основном люди пожилые, которые помнили еще праздничные литургии в храмах. Молодежь и люди среднего возраста не считали нужным это делать.

В настоящее время, когда почти во всех селах восстановлены церкви, богослужения в Рождество, Крещение и Пасху собирает наибольшее количество верующих. Однако по сравнению с количеством населения в селах (не менее двух тысяч человек) эти цифры не велики. По словам священника из с. Тюлюк Катав-Ивановского района Челябинской области в Пасху 2009 г. в церкви было около ста человек, при том что регулярно храм посещают десять человек²⁴. В пос. Краснинском Верхнеуральского района Челябинской области в небольшой храм собирается в Пасху и Рождество около сорока прихожан²⁵. В то время как на воскресную службу — пять—семь. Много народа собирается лишь на Великое Водосвятие на реках и озерах в ночь на Крещение. Священник пос. Краснинский рассказывал в 2010 г.: «И когда я пришел ночью на озеро, то был очень удивлен, что было очень много народу. В храм столько не приходит, когда святил воду, было человек 50, а потом стало много: и бабушки, и бабушки, и маленькие дети, и на машинах приезжали <...>. Я обернулся и увидел, что после освящения людей стало в три раза больше»²⁶. В то же время следует заметить, что многие из тех, кто приходит на озеро или реку в ночь на Крещение, преследуют не столько религиозные цели, сколько возможность развлечься, выкупавшись в холодной воде, а также набрать святой воды, которая всеми считается целебной. Своего рода развлечением считается среди некоторого числа сельской молодежи посещение храма в Рождество или Пасху. Они ведут себя там соответственно этой установке. По словам священника из г. Миняра Ашинского района Челябинской области «разговаривают во время богослужения, шумно ходят, шумят, между собой разговаривают и даже могут засмеяться»²⁷. Следует отметить, что в наши дни среди верующих людей, которые по причине нездоровья не в состоянии выстоять всенощную, появилась привычка смотреть по телевидению рождественское или пасхальное богослужение, транслируемое из храма Христа Спасителя в Москве или Гроба Господня в Иерусалиме. При этом они не просто смотрят, а как бы участвуют в богослужении: молятся, где надо поют вместе со всеми и т. д. Однако некоторые священники относятся к этому

неодобрительно, так же как они не одобряют и просмотр любых других передач в праздничный день.

Молитвы, чтение книг религиозного содержания в главные православные праздники, которые в церковном понимании обязательны для верующего человека, в наши дни мало распространены среди населения. Это — праздничное занятие для очень небольшого количества людей, обычно семей священников и людей, тесно связанных с храмом.

Характерной чертой празднования Рождества, Крещения и Пасхи в XIX—XX вв. был его общесельский характер. На улицах устраивались гулянья с пением песен, плясками, играми, в которых участвовала не только молодежь, но и люди старшего возраста, вплоть до стариков. На обильные застолья в каждом доме полагалось приходиться всем званым и незваным. Информант 1920 г. рождения рассказывала, что перед Великой Отечественной войной «Рождество хорошо справляли <...> приедут гости <...> со всех сторон: вот из Теребинска придут, из Алесандровки, с Боколу, с Рудничной, везде приедут, полный двор. Родственники приедут и с гармониями партиями идут по улицам, поют. Зимой ведь как неделю пируют в Рождество, у всех мясо, у всех капуста своя. Из погребов вынут и все, и жарковье, и все сделают, и пироги пекут, все с мясом пироги, наладят на сковородку, и кур полно было, и яйца еще»²⁸. Эта старая традиция сохранялась еще в 1970-е гг., несмотря на запреты властей. Наш информант из с. Тюлюк Челябинской области рассказывала: «Ой как пировали! <...> попируют все старики и поют старинные песни, обнимутся и идут с гармониями по улице. Молодые идут спереди, поют. Старики сзади идут, обоймутся, идут, всякие долгие песни поют. Ходили по гостям: вот у меня побыли: все свежее, все на столе стоит: пироги с мясом и с капустой и с картошкой напекут. И пирогов, и лепешек — всего наготовят, и мясо. А тут гости по улице пошли, по всем улицам пройдут, ко всем в гости зайдут. Все не напивались. Там, если выпьют, то помаленьку, много не пили. Они николи не сваливались никто. Одни песни, бывало, поют, поют. Я еще помню это»²⁹. Особенно было распространено совместное праздничное гулянье в Троицу. Оно происходило обычно на лесной поляне, около озера или реки. Туда выбирались с раннего утра семьями, взяв с собой еду и выпивку, пели песни, плясали. Информант из пос. Мариинский Челябинской области писала: «Ну, Троицу у нас весело празднуют. <...> Но раньше мы собирались или друзья, родные идут на речку, каж-

дый несет, у кого чего есть, там постелят клеенку или чего, стопку выпьют, закусят, потом на речку, баловались, купались, играли, бегали, песни пели, каждый со своей родней выходил. Которые дома справляли, которые на речку выходили»³⁰. В некоторых селах, однако, традиция коллективного выхода в лес в Троицу сохранялась еще в начале XXI в. Однако она превратилась из всеобщего гулянья в молодежное. Информант из с. Краснинского Челябинской области рассказывала: «Ну, на Троицу у нас молодежь вся идет в лес. Все в лес, раньше кто и с гармошкой. Ну, а сейчас идут в лес: шашлык готовят, картошку пекут, всего берут. С утра уходят на природу. Пожилые-то дома. Ну, у которых своя машина, так могут прихватить какого пожилого. Ну не больно мы там нужны. Они едут с выпивкой и закусками всякими. Дома наготовят, складывают и едут»³¹.

Собранные нами материалы дают также возможность говорить о том, что во второй половине XX в. в селах Южного Урала сохранялись и сохраняются в наши дни отдельные компоненты традиционных обрядов, приуроченных в прошлом к этим православным праздникам.

С Рождеством связаны такие ритуалы, как обход домов с праздничными поздравлениями, разжигание костров, приготовление и раздача кутьи. Рождественские обходы домов в наши дни проводятся во всех селах Южного Урала. Фактически этот ритуал не прерывался и в советское время. Семидесятилетняя женщина из казачьего поселка Мариининский Челябинской области говорила нам: «Я, когда в школе училась, <...> славить не разрешали <...> А в школе нас прямо предупреждали, но ребята все равно ходили»³².

В наши дни смысл ритуала видят не в «славлении Христа — солнца правды», а в поздравлении с праздником. В настоящее время в нем участвуют только дети шести-двенадцати лет, как девочки, так и мальчики. Ритуал самого «славления» по сравнению с началом XX в. значительно изменился. Если раньше «славельщики», войдя в дом, молились перед иконами и пели рождественский тропарь, то теперь это происходит редко. Дети обычно скороговоркой произносят: «С Рождеством, с праздничком!» или говорят: «Здрасьте, хозяин с хозяйшккой, / Со всей семьей-семеюшкой, / С праздничком вас, с Рождеством Христовым». После чего проговаривают короткие песенки — просьбы, хорошо известные в разных вариантах по всему Южному Уралу: «Славите, славите / Сами люди знаете / Зачем я пришел. / За копеечкой! / Открывайте ворота, / Подавайте пирога! / Не дадите пирога, / Мы корову за рога, / За хвост

уведем на мороз»³³. В некоторых селах после поздравления детей сажают на подушку или шубу из овчины, чтобы «водились гуси и овечки», дают им сладости и мелкие монетки, чтобы в доме «всегда был достаток». Нам рассказывали также, что в 1950—1960-е гг. славили не только дети, но и взрослые: парни, девушки и молодожены и даже старые. В с. Рассыпное Оренбургской области и в с. Селезяни Челябинской нам удалось зафиксировать редкий для Южного Урала обычай «рожеествовать ряжеными», который имел место в первые послевоенные годы: «А если старые с Ражееством ходили <...> вот они пели “Ражеество”. <...> Но они не ходили так открыто. Они наряжались, наряжались, штоб никто их не узнавал. <...> Лица закрывали. Лица наденут какой-нибудь тряпкой, марлей, в основном. <...> Она же заходит и говорит: “Можно, Христа прославить?” И вот они начинают петь это “Ражеество”»³⁴.

Обычай жечь костры — пурыны в рождественский сочельник или рождественское утро был зафиксирован нами в некоторых селах Оренбургской области (сс. Кармалка и Ратчино Шарлыкского района, Софиевка Пономаревского района, Никольское и Нижняя Павловка Оренбургского района). Во второй половине XX в. их разводили взрослые, каждая семья на своем дворе, из соломы и остатков сена, вытасненных из яслей домашних животных. По словам наших информантов, костры жгли для того, чтобы «погреть ножки своим умершим», приходившим, как они верили, на землю в рождественские дни. Женщина средних лет из казачьего с. Нижняя Павловка рассказывала об этом так: «А раньше из каждого двора свою солому выносили и своим родственникам разжигали костер этот — своим родственникам мертвыми ногами грели, около ворот на улице делали. А солому брали, какая есть, — просына там; скотине даешь солому. Хоть сено, хоть солома, но лишь бы свое выносила. Потому что свои — я своим родственникам выносила. <...> Люди стояли возле костра, вертели палочками [в огне], подбирали края. Ничего не говорили, вспоминали своих [умерших] родственников: “Мама, папа, няня, дядя, мы тебе ножки греем”»³⁵. Этот обычай сохраняется в несколько измененном виде и в настоящее время. Костры сейчас жгут дети, используя кроме соломы автомобильные шины. Поведение людей утратило свою ритуальность: взрослые зачастую не приходят к костру, позволяют детям прыгать через огонь, бегать вокруг костра, смеяться. Однако, по словам наших информантов: «Дети знают, что это именно по покойникам, что это не просто пошли повеселиться»³⁶. Утрата риту-

альности поведения может рассматриваться как следствие затухания этого обрядового действия вслед за размыванием представлений о необходимости почитания предков.

В некоторых из обследованных нами сел Челябинской (сс. Каратабан, Нижний Уфалей (заимка Тохта) и Оренбургской области (Кардаилово, Крестовка, Студеное, Сергиевка, Бородинское) к Рождественскому сочельнику был приурочен обычай приготовления поминальной кутьи. Ее готовили из распаренных зерен пшеницы с ягодами и медом, а ели вечером в последний день поста. В Оренбургской области кутьей считалось необходимым угостить и родственников. Дети разносили ее по домам «самой хорошей родне, близкому человеку». Этот обычай в селах Оренбуржья был всеобщим еще в 1980-е гг. В наши же дни его исполняют лишь в некоторых семьях. В Челябинской области обычая разносить кутью по родственникам не было. Ее делали вплоть до 1960-х гг. только для своей семьи. Смысл приготовления рождественской кутьи как поминального блюда, своего рода угощения умерших родственников, появляющихся на земле в Рождественские дни, нашими современниками полностью утрачен. Вместо поминального блюда она превратилась в кушанье, которым отмечается наступление праздника.

Одним из самых распространенных на Южном Урале пасхальных обычаев является обход группами детей домов с поздравлениями. Войдя в дом, дети, как и в старину, говорят: «Христос воскрес!» Им отвечают: «Воистину воскрес!» и дарят крашеные яйца. По словам местных жителей, этот обычай существовал всегда, но особенное распространение получил после того, как «религию разрешили». Однако сейчас пасхальные обходы воспринимаются детьми и большинством взрослых не как важный православный ритуал, а как праздничное развлечение, в котором не возбраняется участвовать и детям из мусульманских семей: башкирских, казахских или татарских.

Из старинных пасхальных ритуалов, исполняющихся и в наши дни, нами был зафиксирован ритуал разжигания пасхальных костров. В настоящее время он бытует в г. Миньяр Челябинской области, окрестных ему деревнях и в с. Биянка, расположенном в 20 км от Миньяра. По словам местных жителей, он «был всегда, во все времена». Костры зажигали и зажигают в пасхальную ночь, ровно в 12 часов на горах, около которых располагаются деревни и городские улицы. Заботу о костре берут на себя парни, которые раньше собирали по дворам солому, в лесу хворост, сейчас приносят авто-

мобильные шины. Жительница с. Биянки говорила нам: «У нас там в Биянке сколько гор есть, и на всех горах горели костры <...> А Биянка вообще была кругом в кострах»³⁷. Около костров в полночь устраивают стрельбу из ружей. На наш вопрос: «Зачем жечь костры?» ответа не было. Его не знали даже очень пожилые люди. Что касается объяснения стрельбы из ружья, то наши информанты однозначно говорили, что выстрелы разгоняют чертей.

Игры с крашеными яйцами, качание на качелях — традиционные развлечения русских людей на пасхальной неделе, были известны и русским Южного Урала. Они бытовали здесь, судя по полученным нами сведениям, фактически во всех селах вплоть до 1960-х гг. Информант из г. Миньяра говорила нам: «В Пасху яйца катали, мы еще маленькие были, а постарше соберутся — и катают яйца, вот такие наделают мячики, сколько их там человек, и кто в какую лунку яйцом попадет — тот выиграл, а кто проиграл, опять кладет яйцо свое — и все снова начинается. Раньше играли, конечно, народ что ли был не такой занятый»³⁸. Обычай качаться на качелях в Пасху был известен как в Челябинской области (сс. Арси, Каратабан, Нязепетровск, Селезяни), так и в Оренбургской (сс. Архиповка, Беловка, Болдырево, Кардаилово, Нижний Уфалей (заимка Тохта). Наш информант из с. Архиповки рассказывал нам: «Как раз на Пасху — большой праздник — качели сделают. Чуть ли не вот такие пять метров и выше столбы, и качели качаются. Девчонки качаются, боятся которые, а как зевают, как качнем мы их. А качели мы делали. Столбы вроем тут и вроем там, и там поперечина и там веревки и двое качались. Веревку перекидывали и промеж досочку клали — один человек сидел. <...> Это на Пасху — праздник большой, и вот всю неделю качались»³⁹.

Собранные нами в ходе полевой работы материалы позволяют утверждать, что во второй половине XX в. и в первое десятилетие XXI в. русские Южного Урала, несмотря на атеистическую пропаганду, закрытие церквей, продолжали отмечать православные праздники, прежде всего Рождество Христово, Крещение Господне, Св. Пасху. В советское время их приравнивали по значимости к таким праздникам, как праздники Октябрьской революции и Первого мая. При этом православные праздники из общесельских превратились в семейные, а место общесельских заняли советские.

В первое десятилетие XXI в., когда, по словам наших информантов, «отменили Октябрьскую революцию и Первое мая», Рождество Христово, Крещение Господне и Пасха опять стали для людей единственно значимыми, но вернуть себе статус общесельских не смогли.

Сведения, полученные нами от местного населения, указывают на то, что подавляющее большинство русских Южного Урала имеет очень слабое представление о событиях, положенных в основу православных праздников, в том числе Рождества, Крещения и Пасхи. При этом, опрашивая наших информантов, мы не заметили большого желания узнать о них. Посещение храма, молитвы перед иконами, чтение книг религиозного содержания, раздача милостыни не считаются в эти дни обязательными, как и соблюдение перед праздниками Рождественского и Великого поста. В то же время считается необходимым пригласить в гости родственников, организовать хорошее застолье, попеть с гостями песни, поделиться новостями. Православный праздник отмечается большинством современных сельских жителей не столько для того, чтобы выполнить свой христианский долг, сколько для того, чтобы поддержать родственные и соседские и дружественные связи.

Наши материалы позволяют также говорить о живучести некоторых традиционных ритуалов, приуроченных к Рождеству и Пасхе: рождественские и пасхальные костры, обходы дворов, пасхальные качели, различные формы поминания умерших предков, крашение яиц и игры с ними в Пасху, приготовление куличей и творожных пасх, вера в силу крещенской воды, рисование мелом (углем) крестов в Крещение как способ защиты от нечистой силы. Большинство этих ритуальных действий выполнялось в селах Южного Урала до середины — конца 1960-х гг. Их исполнители были людьми, рожденными женщинами, для которых исполнение этих ритуалов было обязательным в силу традиции: так делали матери, отцы и все ушедшие предки. В конце XX — первом десятилетии XXI в. ритуальные действия постепенно перестали выполняться или превратились в развлечение для детей. Одной из причин этого был приход в жизнь новых поколений людей, более образованных, чем их родители, и они уже не могли выполнять ритуалы, смысл которых им был не понятен.

- ¹ Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. — СПб., 2005. — С. 260.
- ² Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 168. Л. 60 об.
- ³ Там же. Д. 223. Л. 29.
- ⁴ Там же. Д. 124. Л. 13 об.
- ⁵ Там же. Д. 224. Л. 89.
- ⁶ Бернштам Т.А. Приходская жизнь...
- ⁷ Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 124. Л. 20 об.
- ⁸ Там же. Д. 167. Л. 147.
- ⁹ Там же. Д. 194. Л. 27 об.
- ¹⁰ Там же. Д. 145. Л. 88.
- ¹¹ Там же. Д. 133. Л. 46 об.
- ¹² Там же. Д. 163. Л. 111 об., 112.
- ¹³ Там же. Д. 222. Л. 121 об.
- ¹⁴ Цит. по: Бернштам Т.А. Приходская жизнь. — С. 260.
- ¹⁵ Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 140. Л. 63 об.
- ¹⁶ Там же. Д. 167. Л. 97.
- ¹⁷ Там же. Д. 222. Л. 121 об.
- ¹⁸ Там же. Д. 141. Л. 156 об., 157 об.
- ¹⁹ Там же. Д. 126. Л. 106.
- ²⁰ Там же. Д. 163. Л. 106 об.
- ²¹ Там же. Д. 154. Л. 113 об.
- ²² Там же. Д. 161. Л. 101 об.
- ²³ Там же. Д. 145. Л. 84.
- ²⁴ Там же. Д. 211. Л. 27.
- ²⁵ Там же. Д. 197. Л. 144 об.
- ²⁶ Там же. Д. 197. Л. 150 об., 151 об.
- ²⁷ Там же. Д. 195. Л. 129 об.
- ²⁸ Там же. Д. 211. Л. 7.
- ²⁹ Там же. Д. 211. Л. 61.
- ³⁰ Там же. Д. 212. Л. 94.
- ³¹ Там же. Д. 197. Л. 176.
- ³² Там же. Д. 212. Л. 92.
- ³³ Там же. Д. 194. Л. 26.
- ³⁴ Там же. Д. 169. Л. 204.
- ³⁵ Там же. Д. 160. Л. 51 об., 52.
- ³⁶ Там же. Д. 160. Л. 51 об.
- ³⁷ Там же. Д. 194. Л. 72 об., 73.
- ³⁸ Там же. Д. 214. Л. 155.
- ³⁹ Там же. Д. 140. Л. 53.